

ТИЛЛЬ ЛИНДЕМАНН

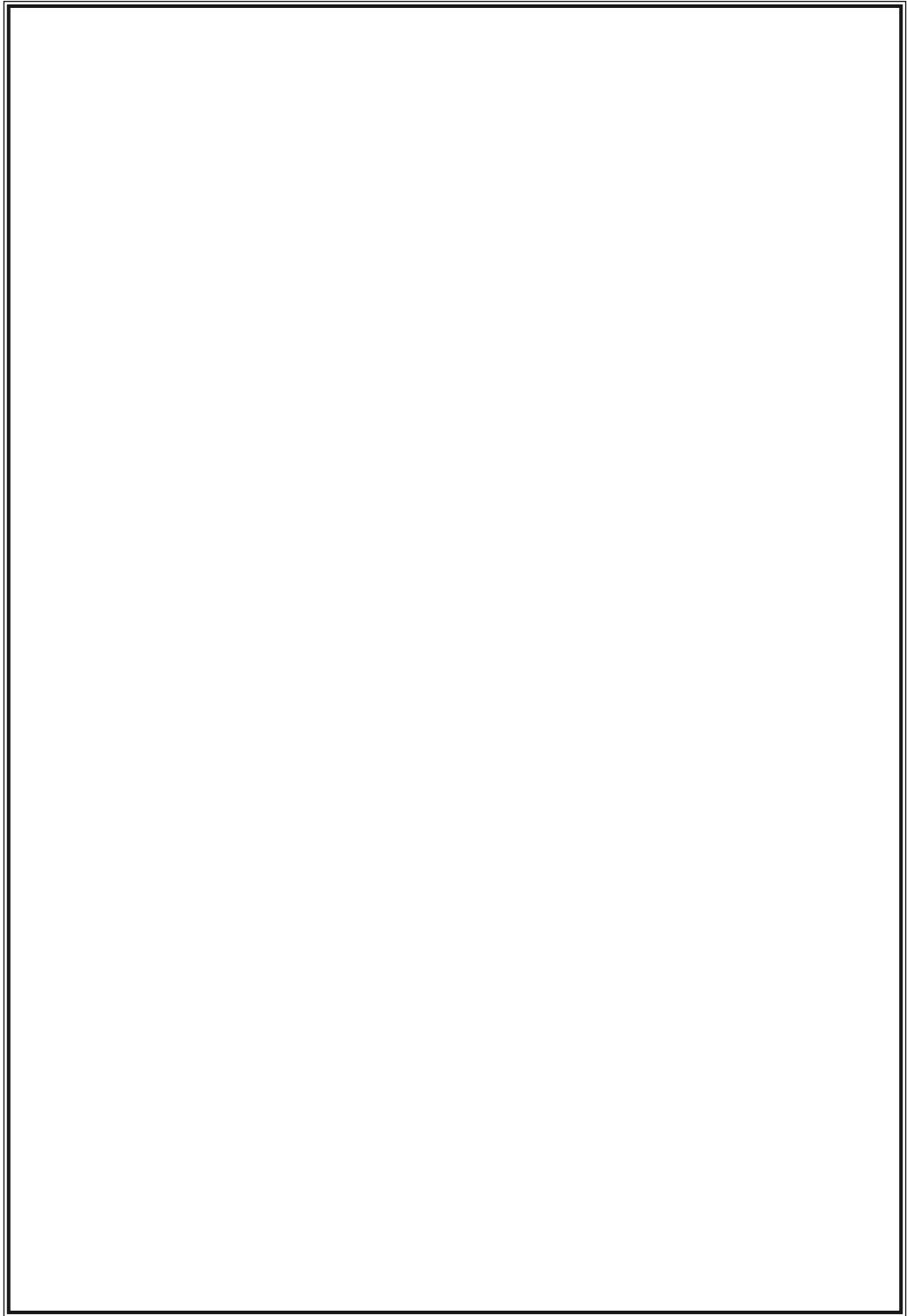

В ТИХОЙ НОЧИ
IN STILLEN NÄCHTEN

ЛИРИКА

МОСКВА
2022

ИЛЛЮСТРАЦИИ
МАТТИАС МАТТИС

Одно из ранних стихотворений Линдеманна 1972 года называется «Щелкунчик». Тиллю было 9 лет, когда он написал:

ОН ЩЁЛКАЕТ КАЖДЫЙ ОРЕХ
ПРОСТО ОЧЕНЬ
ОН ДОЛЖЕН
ДАЖЕ ЕСЛИ НЕ ХОЧЕТ

Отец Тилля, ныне покойный детский писатель Вернер Линдеманн, это стихотворение маленького сына включил в свой автобиографический роман. Тилль Линдеманн – весь в этом, как в детстве, в своих лирических принципах: страсть, беспощадность, неутомимость, раздробленность, фатализм.

Несколько лет назад я спросил Тилля, пишет ли он по-прежнему стихи, помимо своих текстов для Rammstein? «Щелкунчик» девятилетнего поэта, который произвел на меня неизгладимое впечатление, напомнил мне лирический сборник Messer («Нож») 2005 года, в котором я тогда нашел неподдельное сокрови-

ще: тонкую связь, наподобие пуповины, между внешним и внутренним бытием обожаемого всеми поклонниками фронтмена и пиротехника. Я, собственно, никогда не считал Rammstein только рок-группой, для меня их песни – «произведение искусства», а поэтический язык Тилля – словно огнемет, извергающий пламя радости, ярости и музыки.

И сама музыка часто сопровождается лирическими перевитыми узорами. Если вы видели выступление Rammstein в Париже или Хьюстоне, если вы видели, как многие тысячи людей показывают на Тилля и ревут на немецком «*Du hasst mich*», то перед вами возникал вопрос некоего особого универсального языка. Какой еще немецкий художник слова способен изобрести в наше время лирику, которую понимают люди в Мюнхене и Берлине так же, как и в России, Мексике, Франции или США?

Прежде чем мы встретились в Берлине, папка со стихами Тилля лежала на моей кровати в отеле. Он доверил мне их, чтобы я прочитал. И я читал. И читал. И читал. Мы тогда не обмолвились ни словом об этих стихах. Тилль часто обращается к теме природы, на которой он вырос и в чей покой он убегает. Он находит там, в тишине лесов и озер, особый язык, слова кото-

рого тут же хочется записать, красоту которого так хочется присвоить себе...

Так это началось. Потом появилось больше стихов. Как приливы. Приливы и отливы. Громкие и тихие. Грубые и нежные.

Собранные здесь стихи звенят, как царапание по льду в холодной ночи. При этом здесь есть настоящие монстры, комическая бойня, множество скверных вещей, немного резни – и потом снова ласковые миниатюры. Ласковые? Смеем ли мы употреблять это слово после “Zärtliche Cousinen, Teil III”? Поэзия Тилля, однако, проявляется как в ярких, так и тихих моментах, буйных, только кажущихся неловкими, негибкими, после которых вдруг льются равномерные строки лирики, становясь ясными, педантично отточенными:

В БЕЗМОЛВНОЙ НОЧИ ЧЕЛОВЕК ПЛАЧЕТ
ПОТОМУ ЧТО У НЕГО ЕСТЬ ПАМЯТЬ

Как-то долгим вечером я прочел эти и другие строчки актеру Маттиасу Брандту. На следующий день Маттиас написал мне по электронной почте: «Самое

интересное в этих стихах то, что едва ли кто-то предположит, что они Тилля Линдеманна. При этом так много тишины и глубины и комизма в этой поэзии, как и в текстах Rammstein. Эти стихи легендарны. Для актера они являются, так сказать, раем. Они звучат так, как будто кто-то сорвал тексты песен Rammstein и положил их под цветочный пресс. Это чистый Линдеманн – гербарий!»

Мы видим людей в стихах Тилля голыми, в жажде, в одиночестве, в глумлении и ненависти. Наконец, раз за разом читая и сортируя, я думал, что здесь есть всё: несравненные, убедительные раны самоутверждения. И вот, позади этой мантры отрицания «нет», если охватить всё вместе, обнаруживается большое настойчивое «да».

Мы чувствуем в героях Тилля поэтов, с текстами которых он рос дома: это Бертольд Брехт, Конрад Фердинанд Мейер, прозектор Готфрид Бенн. И мы чувствуем в этих историях (потому что подчас эпические истории часто есть в самых маленьких стихотворениях) героев нашего времени – рассказчика современных

событий катастроф жизни, швейцарского журналиста Эрвина Коха, чьи «Wahre Geschichten» («Правдивые истории») под названием «Was das Leben mit der Liebe macht» («Что делает жизнь с любовью») принадлежат к любимым книгам Тилля.

Мы редактировали тексты совместно и молниеносно, но чтобы читатель смог проникнуться к ним любовью, они теперь, возможно, задним числом требуют корректуры (слишком поздно, слишком поздно), потому что по крайней мере некоторые стихотворения – это нарушение общественного порядка. Кто хочет искать, тот найдет здесь: ломанные схемы рифм, ломанный ритм, ту или иную как будто непроизвольную перестановку звуков. А по существу: сексуальная эксплуатация, дискриминация по возрасту, и, и, и ... Вообще: кто хочет читать этичные стихи, тот разочарованно склонит свою голову и будет тихо плакать. Кто, однако, вместо этого хорошо присмотрится, тот будет щедро вознагражден. Он констатирует, что лирическое Я в этих часто неисторических текстах, обращенных как к читательницам, так и к читателям в каждой строке, всё же, прежде всего, подает на подносе собственное, нежное сердце.

Я описал Тилля как Кинг-Конга немецкой современной культуры. Также в этих стихотворениях бушует уяз-

вимый, но очень чувствительный неистовый берсерк со своей любимой блондинкой в лапах, несущийся через города или, пожалуй, даже как последний киногерой пират через все воды мирового океана. Кто бы ответил на крик Кинг-Конга о любви любовью? Зверь должен умереть. Тилль сам отвечает этому зверю, и в этом его ответ созвучен всему творчеству Rammstein: я разочарован. Для чудовищ такого вида, о которых в своей книге рассказывает Тилль, есть одно высказывание громогласного Жоржа Симеона. Я поставил это выражение в коллекцию интервью, потому что все эти люди, с которыми я встречался для разговора, были объединены трагическим, комическим, но в действительности всегда разрушительным сражением против несчастья своего существования: «Человек до того плохо приспособлен для жизни, что можно было бы сделать из него сверхчеловека, если бы он видел в себе обвиняемого вместо жертвы».

Нет, менять здесь нечего. Но, естественно, мы вместе работали над стихами, это была в каждом случае лишь самая малость – пропуски, новые заголовки. Я провел с Rammstein несколько недель летом 2002 года – они были с туром в США – и сделал репортаж для SZMagazins. Я вспоминал, наряду со знайко-горячими концертами, прежде всего: патологическую робость Тилля, когда по-

клонники бежали к нему сломя голову. А также его настоящую панику, когда журналисты бежали за ним... И я вспоминаю вечера с Тиллем в гостиничных комплексах на побережье Тихого океана, в Денвере, Даллесе, Фениксе и Сан-Антонио. Причудливые крошечные распутные пташки заглядывали нам в глаза из-за края барной стойки у бассейна. Был и ледяной Budweiser, который запотевал, если его совсем не пили. Тилль тихо прочитал несколько строк, уставившись в свой ноутбук, потом постучал по клавиатуре, радостно оскалил зубы и прочитал еще раз, на этот раз громче.

Я сказал: «Второй вариант как-то лучше, коротко и ясно. Интересно почему?»

Тилль ответил: «Потому что теперь здесь испорчена рифма. Ритмика в конце стихотворения сорвалась. И это прекрасно».

Последний этап подготовки к печати происходил в начале лета 2013 на кухне в Мюнхене-Швабинге. Там сидели Тилль, его многолетний друг художник Маттиас Маттис и я. Было выпито несколько литров кофе, кругом лежали листы со стихотворениями Тилля, на каждом – стихи уже в более укороченном измененном варианте. И лежали черные как смоль рисунки Маттиса. Эти рисунки ни в коем случае не комментируют стихи Тилля – они снабжают эти стихотворения скорее